Вот такая любовь

В 1978 году в наших краях работала лесоустроительная экспедиция. В верховье Зеи поставили лагеря в четырёх местах. Зная, что они обустраивают их хорошими избушками и банями, я решил летом посмотреть эти места, чтобы зимой использовать для охотничьего промысла. Попросил в августе знакомого летнаба, и он забросил меня в самую верхнюю, в устье Оконона.

С этого места, на резиновой лодке, я пустился в своё предприятие. Течение несло меня вниз, и я за день, осмотрев табора на устье Итымди и Тамтальгина, к вечеру добрался до Джугарминского. Здесь моё внимание привлёк шатающийся по лагерю олень. По внешнему виду ему было года четыре. Шея, спина, живот были в заживающих ранах. Я знал, от чего они.

Это были следы чесотки – болезни, свирепствующей в то время в наших краях. От неё погибли сотни домашних оленей. На таборе был токсатор и его жена, по совместительству повариха. Зная, что в экспедиции работает каюр на оленях, я спросил их:

- Олень каюрский?

- Нет . Он появился в мае, на второй день, как мы сюда забросились, чуть живой, весь в коростах А каюр пришёл с оленями через неделю.

- А почему с оленями не ушёл? - допытывался я.

Ответила жена:

- А он почти ходить не мог. Я его взялась лечить, ободрала все корки, покрывающие его тело, и оно стало похоже на кровавое месиво. Пришлось сшить ему безрукавку с завязками. Он проходил в ней почти месяц. Лечили тем, что было в аптечке, а с первым вертолётом заказали мазь, присыпку и лекарства. А потом он от меня уже не отходил, даже к оленям каюрским.

Утром я собрался отчаливать, токсатор с женой тоже. Они на резиновой лодке решили проверить в заливе сетку. Тронулись одновременно. Только я уплывал в гордом одиночестве, а за ними, спустившись в воду, плыл олень

Старик

Для охоты Володя Барышников держал всегда 2-3 собаки. К тому же дома у него жила для потомства сучка. Крупная белая лайка со звучной кличкой Ведьма. Она была отличным производителем щенят, а своими размерами выделялась даже среди кобелей . Ее беленькие щеночки с торчащими ушками и хвостиками колечками постоянно были украшением двора.

В то время, о котором я рассказываю, у него еще «на пенсии» доживал свой собачий век его пес по кличке Старик. «Кличка присвоена ему в молодости за старческий вид» - говорил Володя.

Его собаки часто имели по два имени: одно данное в щенячьем возрасте, а второе они заслуживали уже по жизни. Эта интересная практика меня всегда удивляла.

Старик почти всегда спал: или во дворе, рядом с чаеваркой, или на улице, у калитки. Совершенно глухой, он ни на кого не обращал внимание, также как и на него никто.

Но вот загуляла в очередной раз Ведьма. Собрала кобелей к себе на «свадьбу» со всей округи. Не меньше десятка. Мы жили от Володи через дом. По огородам и заросшим полянам нашего двора собаки натоптали тропы. Вот из кустов по тропе появляется с рычанием и урчанием свадебная процессия. Ведьма - впереди, за ней - вся свита.

Вот они, пробежав наш двор, исчезают из вида. Минуты через две, опустив нос до самой земли, выруливает по следу Старик. С возбужденным, деловым видом несет он свое разбитое временем, ревматизмом и охотой тело. Видно, как ему тяжело дается каждый шаг. За день эта картина повторяется несколько раз. Кружит по нашему околотку свадьба, и следом за ней семенит Старик. Куда делась его сонливость? Сколько дней будет проходить этот хоровод, столько дней пес будет его сопровождать, в надежде, вдруг и ему улыбнется удача, и он тоже поучаствует в удовольствии оставить очередной раз свое собачье потомство, продлить на этом свете свой род.

Я смотрю на Старика с уважением. В этом его порыве горит огонь жизни. Пусть слабенький, но горит. Меня радует то, что Старика не трогают матерые кобели, которые устраивают между собой жестокие схватки. Они как будто уважают его старость. И каждый раз, когда он, опаздывая, семенит за сворой, я желаю ему удачи.

Монька

У Володи Барышникова, моего друга и профессионального охотника, за длинную таежную жизнь сменилось много собак. Этот пес проработал с ним 11 лет. Я даже не помню сейчас, какую кличку он ему дал вначале, потому что потом прилипла новая - Монька, да так и осталась до самой смерти.

Пес был для Володи в тайге надежным напарником. «С ним я ни разу из тайги пустым не возвращался. Это кормилец мой» - говорил он. Когда пес уже не мог охотиться, то жил еще три года у Володи дома. Теперь Володя ласково его называл: «Это мой пенсионер».

Как-то я заглянул к нему поговорить. Дома его не оказалось. «Моньку ищет третий день. Ушел пес и где-то пропал от старости. Володя хочет найти его и похоронить» - сказала мне его жена.

Через несколько дней я встретил ее у магазина и спросил: «Ну, что, нашел Володя Моньку?». «Нет, не нашел. Пришел последний раз сильно

расстроенный, и, ты не поверишь, я впервые за всю нашу жизнь увидела на его лице слезы. Нас не всегда пожалеет, а тут ему Моньку жалко».

После Моньки у Володи были еще собаки. И когда он теперь из тайги возвращался без добычи, то с горечью в голосе говорил: «Был бы Монька, он такого позора не допустил бы»

Первый урок зимней рыбалки

Мой сосед, Юрий Алексеевич Томозов, заядлый рыбак. Он часто подкидывает мне свежих щук. Особенно любит зимнюю рыбалку, на «махалку». Как-то он настойчиво упросил меня пойти с ним, обещая научить и меня этому простому, но азартному способу.

Скажу честно, у меня особого интереса не было. Я любил ловить сетками, а «махалку» в руках ни разу не держал. Лексеич обещал всё устроить: и пешню, и снасть. Пришли, продолбили лунки. Взял я данную мне короткую удочку с крабиком на конце лески, и, поглядывая, как делает сосед, повторяя нехитрые манипуляции «вверх-вниз», стал дожидаться удачи.

Лексеич поймал первую, вторую, третью. Я махал безрезультатно. «Иди на моё место, а я - на твоё» - сказал сосед, и мы поменялись местами. Я снова, глядя за движением его рук, упорно их копировал. Результата не было, как и раньше, а Лексеич вытащил ещё четыре щуки уже из продолбленной мной лунки. Потом он подошёл ко мне и вручил свою «махалку»: «Вот, моя самая уловистая, с желтым крабом из бронзы. С ней ты поймаешь» - уверенно заявил он. Но я почему-то также неуверенно продолжил дёргать её вверх-вниз, вверх - вниз.

«Есть подход. Ударила по крабу» - радостно сообщал мне сосед и через несколько секунд вытаскивал очередную щуку на лёд. В этот мой первый заход на зимнюю рыбалку на «махалку» я чудом вытащил одну щуку, а Лексеич - одиннадцать. Он мне добавил из своих ещё четыре. Вы можете мне не поверить, но это сущая правда.

С тех пор я полюбил зимнюю подлёдную рыбалку на «махалку» С теплом в душе вспоминаю Лексеича, моего замечательного соседа, и с улыбкой именно этот случай.

Эвенки. Есть ли среди них кузнецы

По воле судьбы, мне пришлось в интернете рассказывать об эвенкийских ножах, технологии их изготовления и применении на практике. Многие возмущались, приводя доводы в том, что этот народ никогда не имел своего железа.

По этому вопросу я не спорю. А вот в том, что они с железом могли обращаться, как кузнецы, мне приходилось наблюдать сотни раз. В каждом

роду непременно был человек, который это умел делать лучше других. И у него была даже небольшая походная кузница, приспособленная к кочевым условиям. У Вити Петрова, нашего знаменитого в своё время специалиста по изготовлению ножей, я наблюдал такую картину. Толстый, квадратный брусок железа служил наковальней. Щипцы, пассатижи, напильники, точильный ручной станочек позволяли делать из метала всё необходимое для жизни. А вот само железо приходилось доставать на стороне.

Толя Сахаров, когда в продаже появилась листовая жесть, научился самостоятельно делать палаточные печи и трубы к ним. Когда я каюрил в Якутии, и мы ждали прилёта геологов на метеостанции «Токо», то, обнаружив здесь потерпевший крушение самолет, принялись из добытых металлических трофеев делать ботала и колокольчики на оленей.

У Афанасия Петровича, нашего бригадира, для этих целей имелось всё необходимое, даже пробойники по металлу и пластина с дырочками для этих целей. Когда у него сломался нож, он сделал его из оказавшегося в запасе отрезка ручной косы. И я, никогда не имевший к этому ни призвания, ни интереса, научился гнуть, пробивать, клепать, отпускать и закаливать. Приятно было видеть свои изделия, полученные в глухой тайге кустарным способом, сделанные, как говорится на коленке.

Еще один пример работы с металлом можно увидеть в Зейском краеведческом музее на костюме и бубне последнего эвенкийского шамана Ильи Ивановича Яковлева из рода Бута. Это фигурки рыб и зверей, трубочки и погремушки, а металлическая голова лося - это шедевр искусства.

Вот такой, небольшой ответ мне хочется дать тем скептикам, которые утверждают, что среди эвенков не может быть кузнецов. В пределах жизненной необходимости они всегда были, есть и будут.

Накит

Я как-то однажды приехал сюда
И с первого взгляда влюбился в тебя.
Теперь он мне снится, тот сказочный вид,
И горы, где ключик с названьем Накит.
Одни пастухи здесь пасут оленей,
По первому снегу тропят соболей.
Здесь время – неспешно, вода здесь – хрусталь,
И тянет куда-то хребтовая даль.

Поеду на отдых к своим оленям.
Я сердцем, душою давно уже там.
Ты очень красивый, как твой хризолит,
Покрыт весь цветами прекрасный Накит.

Не надо мне в Сочи, где море у ног.
Мне как-то роднее наш Дальний Восток.
Не надо мне к морю, где Ялта стоит,
Мне нравится больше наш ключик Накит.

Алгама

На север от Бомнака – Алгама,
Страна, где Клим пасет свои стада.
Меня он просит: «Снова прилетай
И песню сочини про этот край!».

Алгама! Алгама! Алгама!
Здесь по сопкам пасутся стада.
И в жару, холода и пургу
Оленей люди здесь берегут.

Есть здесь с названьем масляным река,
Хоть масла не видела никогда.
Но кто ж ей дал название тогда?
Аририкта, Аририкта, Аририкта.

Чтоб память о минувшем сохранить,
И предков имена чтоб не забыть,
В журчанье ручейка и в песнях вод
Я слышу имя бабушки Сюдот.

Мы кочуем по всей Алгаме,
Здесь везде, в общем, нравится мне.
Но зимой уезжаем мы в край,
Где течет Чакатай, Чакатай.

Ну, а главное – все же народ,
Здесь который, кочуя, живет.
Редко кто о нем песни поет,
Но, надеюсь, меня он поймет.

Алгама, Алгама, Алгама!
Здесь по сопкам пасутся стада.
И в жару, холода и пургу
Люди здесь оленей берегут!